

ПОКОЛЕНИЕ ХУ

Что тебе рассказать? Зачем тебе это, почему ты все время об этом просишь?
О том, как мы строили бесконечную гать и рубили десятки просек?
Таскали чугунные рельсы на себе и насмерть к ним примерзали зимой руками?
Так это ведь были совсем не мы, и не кончиками пальцев, а всего-навсего
языками.
Мы – героическое поколение, не валившее лес в тайге, не летавшее в космос
с собаками.
А если стреляли, то только по самим себе, а не попав, не смеялись, а плакали.
Мы не знали, что вены надо не поперек, а вдоль, а трава не наркотик вовсе.
И не понимали, что в сердце бывает зубная боль, и это Гете, а не Маяковский.
А еще мы торговали собой на обочинах, на вес, на цвет, на штуки и ведрами,
и выкладывали на прилавок свой ливер просроченный, между чужими грудями
и бедрами.
Это из наших книг криво вырывали страницы для того, чтобы в них
заворачивать семечки.
По ним можно было гадать и вязать на спицах. Страница десять, попали
в темечко.
И гвозди не надо делать из нас. Мы быстро гнемся и покрываемся ржавчиной.
Мы лучше сыграем тебе. Здесь и сейчас. По системе Станиславского
и Немировича-Данченко.
Что ты хочешь услышать о беспардонных нас, о поколении не «вопреки»,
а «вместо»?
Пойдем, я покажу тебе, где тонуть с руки. Я уже пробовал на себе это место.

АВГУСТ ВЫДАЛСЯ ЖАРКИМ

Вечером, когда за домами садится солнце,
в соседних дворах начинают поливать траву.
Трава щурит зеленые глаза, узкие, как у сонных японцев,
и, поднимая нескошенные метелки, пахнет, как на лугу,

с которого лет тридцать назад забрали ее семена,
чтобы начать продавать готовые к укладке газоны.
Кто были эти талантливые голландцы, кто запомнил их имена?
Рыжие и рослые, очень похожие на удавшиеся клоны

тех, кто вывел и начал продавать на вес золота
тысячи сортов голландских тюльпанов,
ярко-красных, прекрасного фона для серпа и молота,
желтых, как цвет созревших на Кубе бананов,

черных, как ночи, когда их везли в Америку на судах контрабандистов,
разноцветных, как головы школьников на экскурсии в зоопарке,
лиловых или белых, раскрывшихся или завернутых в листья,
диких, бросающихся на людей, и культивированных, пишущих без помарки.

О чем это я? О том, что август выдался жарким,
что дожди пьют где-то пиво и уже никуда не идут,
о том, что в одежде чувствуешь себя макаронем средней проварки,
а солнце после обеда лупит тебя по плечам, как кожаный кнут.

В соседнем саду призывно и хриловато смеется женщина.
Ее обрызгал водой разведенный в апреле сосед.
У них в заборе между дворами сначала была трещина,
а завтра проснутся утром, а никакого забора нет.